

ПЕРСОНА

Сергей Маковецкий:

“Я никогда не снимался в чем попало из-за денег”

Сцена. - С. - ПБ. - 1996 -
4 дек.

Нам показывали
Петербург
с вертолета,
вот я и сиганул
с высоты
две тысячи
метров

СОМНИТЕЛЬНОЕ звание секс-символа, по счастью, обошло Сергея Маковецкого стороной. Но культовым актером середины девяностых он, безусловно, является: за последнее время не вышло почти ни одной мало-мальски заметной картины без его участия. “Макаров” и “Пьеса для пассажира”, “Летние люди” и “Трофим” едва ли состоялись бы без Маковецкого. Сам актер говорит, что если начнет перечислять режиссеров, у которых снимался, то можно будет составить своеобразную энциклопедию нашего нового кино. Сейчас в эту энциклопедию от Маковецкого войдет имя Александра Рогожкина, пригласившего актера в фильм “Операция “С Новым годом!”.

- Сергей, как вам работается в новом фильме?

- Я играю безнадежного больного. Меня врачи даже специально водили по палатам, но кино - это ведь не слепок жизни. Есть немало примеров того, когда безумно талантливые режиссеры пытались снимать войну как будто бы настоящую, а получался клюквенный сок. У нас своя больница и особенные больные - мы же новогоднюю сказку снимаем. Просто всегда, когда ты находишься в больнице, где столько горя, ты смотришь по сторонам и видишь, что смерть совсем рядышком. Надо только уметь это ощущение грамотно через себя пропускать и никогда не подменять понятия - не забывать, где жизнь и где искусство. Я этому научился.

- Однажды во время вертолетной прогулки над Петербургом, которую организаторы фестиваля “Виват кино России!” устроили специально для гостей-артистов, вы решились прыгнуть с пара-

шютом, хотя никогда до этого не прыгали. В этот момент вы не путали жизнь и игру?

- Это было как в школе: ты поднял руку и потом только сообразил, что не выучил урок. Так и со мной. “Кто хочет прыгнуть?” - “А можно я?” Если бы возникла легкая пауза, кто-то другой мог захотеть испытать эти ощущения. А возможность была только у одного.

- Что же вас все-таки тогда подтолкнуло?

- Не знаю. Просто - почему не попробовать? Уже потом появилось волнение, как перед выходом на сцену из-за кулис. Такое легкое предпремьерное волнение - ни страха, ни ужаса не было. Нам показывали Петербург с птичьего полета - вот мы с инструктором и сиганули с высоты две тысячи метров.

- Вы не сгугите на то, что петербургские режиссеры позже других обратили на вас внимание?

- Когда я только начинал сниматься, интересные работы были

у меня именно здесь - в “Жизни Клим Самгина”, которую снимал Виктор Титов, в “Посвященном” Олега Тепцова.

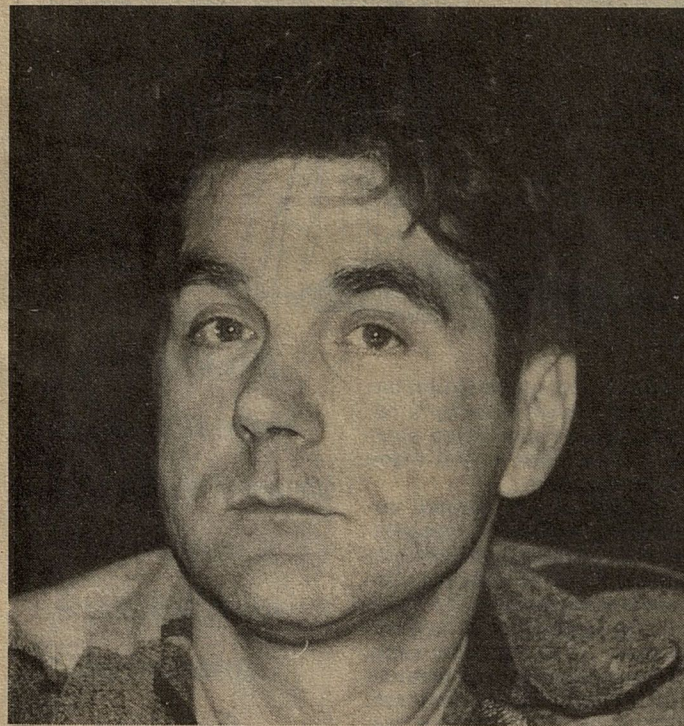
- Отличается ли стиль работы питерской режиссуры от московского?

- Я просто знаю, что питерцы отличаются от москвичей. Питер менее подвержен... Нет, я прекрасно понимаю, что здесь те же проблемы и так же не выплачивают зарплату, как и везде, но мне почему-то кажется, что здесь нет такого сумасшедшего беспредела и мурaveйника, как в Москве. Я не люблю Москву именно за это. Москва никогда не была для меня родным городом - Киев по-прежнему остается моей родиной. А Москва - это место, где моя работа, мой дом, моя семья, мои друзья. Я никогда не назову себя москвичом, потому что это будет неправда. Я не хочу тем самым обижать коренных москвичей, которых, на мой взгляд, осталось очень мало. В Москве мне совсем не так уютно, как в Петербурге. Я очень люблю Петербург.

- Все ли свои роли вы помните?

- Есть спектакли, о которых я уже забыл. Я поймал себя на том, что забываю своего Галлимара из “М. Баттерфляй” - блестящего спектакля, одного из лучших у Романа Виктюка. Как раз вчера пытался вспомнить слова и понял, что не могу. Но хорошо, что от моего Галлимара остались хоть какие-то заснятые на пленку сцены.

- А свою первую роль у Виктюка вы помните?

- Все произошло довольно странно и неожиданно для меня. Я ведь выпускался из училища с такими ролями, как гоголевский Нос, в “Штрихах к портрету” Шукшина я играл Князева, в шатровских “Синих конях на красной траве” читал монолог о пролетарской культуре. И был распределен в Вахтанговский театр. Так вот, играю я в своем театре комедии, водевили - и вдруг неожиданно приходит Роман Виктюк и пред-

лагает к постановке пьесе “Уроки мастера”. И говорит, что Ульянов будет Сталиным, Яковлев - Прокофьевым, Филиппенко - Ждановым. Естественно, Василий Семенович Лановой подумал, что в этой компании только он может быть Шостаковичем. Он даже говорил, что Шостакович был красавцем. Тогда только он и может играть Шостаковича, а кто еще? Надо быть Романом Виктюком, который сказал: нет, Шостаковичем

будет Маковецкий.

- Лановой и руководство театра это проглотили?

- И надо отдать должное Михаилу Александровичу Ульянову: когда вышел спектакль, он на одном из худсоветов сказал про меня: этот молодой актер нас переиграл. Он очень мужественный человек, и я его уважаю за это. Он никогда не забывает сказать добрые слова об актерах театра, за которыми - он это понимает - будущее. Это ведь не только я - это и Юлия Рутберг, и Михаил Васильков, и очень многие другие. То, что Ульянов может сказать доброе слово, - залог того, что он настоящий артист.

- От многих ролей вам пришлось отказываться?

- Я никогда не снимался в чем попало из-за денег. Как правило, то, что предлагали, мне было интересно.

- Чем занимается ваш сын?

- Ему уже за двадцать, он экономист.

- В актеры идти не хотел или отец не пустил?

- Нет, он все сам для себя выбрал. В детстве ему предлагали сняться, кажется, в “Приключениях Тома Сойера”. Может быть, если бы он однажды снялся, все сложилось бы по-другому. Но он отказался. Выбрал себе профессию экономиста, работает в банке и не жалеет об этом.

Беседу вел
Дмитрий САВЕЛЬЕВ
Фото Славы ГУРЕЦКОГО